

В.К. Иванова

Первые послевоенные годы в Пушкинском заповеднике (1945 - 1950 гг.)

После освобождения пушкинских мест от фашистской оккупации, в первое послевоенное пятилетие, музею предстояло в исключительно короткие сроки (к 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина) решить две колоссальные задачи: восстановление заповедника как памятника отечественной истории и культуры и воссоздание его как научного и культурного учреждения. Решение этих задач происходило в один из самых сложных и драматических периодов нашей истории. Во-первых, восстановление страны надо было начинать не только с восстановления жилья, но и с восстановления культуры - всех тех святынь, что соединяли наш народ в одно целое. Одной из таких поруганных святынь был в послевоенные годы Пушкинский заповедник, который представлял собой в буквальном смысле пепелище. Во-вторых, не следует забывать, что это были последние годы сталинского режима, когда вмешательство тоталитарного государства во все сферы жизни людей было особенно сильным. И в культурные явления вносились определенные коррективы. Пушкин тоже был под бдительным оком. Еще в

30-е гг. он неожиданно стал по случаю 100-летия со дня смерти поэта одной из краеугольных ценностей государственной культуры, а стало быть, оказался приспособленным к основным идеям того времени.

Но это не могло умалить истинного значения Пушкина как явления русского духа, и интерес к нему, и восстановление пушкинского уголка из руин были благотворны как для нашего народа, так и для культуры в целом.

Вот как это начиналось. Публикация в газете "Ленинградская правда" 1945г. ученого-филолога, профессора В.Е. Евгеньева-Максимова. Он приезжал в Пушкинский заповедник в составе делегации сотрудников Института литературы, Ленинградского университета и др. на празднование 146-й годовщины со дня рождения А.С. Пушкина:

"Не без труда добираемся мы до переправы. А здесь нас ждет большое разочарование: старый мост взорван, а новый мост, на который мы так рассчитывали, еще не доведен до конца. Приходится организовывать переправу на лодке. А лодка всего одна, а стара она так же, как этот дед, который предлагает свои услуги в качестве перевозчика. Весел у этого перевозчика-добровольца нет. Он пользуется вместо них ружейным прикладом и железной лопатой. Переправа на лодке сопряжена с риском: все днище лодки в щелях, из них

Иванова Валентина Кузьминична - зав. научно-просветительным отделом Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина Михайловское

так и хлещет вода - не успеваешь вычерпывать. А Великая в этих местах и широка, и глубока и отличается стремительным течением.

Уже поздним вечером мы въезжаем в Пушкинские Горы. Зрелище, открывшееся перед нашими глазами, глубоко нас потрясло... Цветущий в недавнем прошлом городок почти целиком разрушен. Разрушен не во время боя, а в канун отступления, разрушен с методической систематичностью, исключительно ради того, чтобы "сорвать злость", чтобы "напакостить". Торопимся к высокому холму, на котором расположен древний Святогорский монастырь. В ограде его - могила Пушкина.

Массивные монастырские здания взорваны - от них сохранились только стены с пустыми глазницами окон, в которых нет и следов не только стекол, но и рам. Огромной силы фугас был заложен под монастырский храм. Но стены этого храма оказались настолько массивными, что не обрушились. Храм, интересный образец древнерусского зодчества, пострадал сильно, но устоял; как старый боец, не уходит из боя, хотя тело его покрыто ранами, так и древний Святогорский храм стоит и прикрывает своими изувеченными стенами врученную ему народную святыню - могилу Пушкина.

Мы отправляемся в Михайловское. Нередко по обочинам дороги попадаются дощечки с надписью "мины". Деревня Бугрово - на полпути между Пушкинскими Горами и Михайловским, - почти целиком уничтоженная оккупантами, уже начинает отстраиваться... Вот опушка заповедного леса, прилегающего к Михайловскому. Поредел лес...

Еще несколько метров - и мы у въезда на территорию Михайловской усадьбы. Сильно пострадала знаменитая аллея из столетних елей, которая ведет в усадьбу. Несколько огромных деревьев, которые не охватить руками, срублены у основания. В самой усадьбе также нас ждет немало горьких впечатлений. Голые фундаменты на месте того дома, где помещался Пушкинский музей, и на месте соседних флигелей. От "домика няни", единственного строения, уцелевшего до начала войны от пушкинских времен, осталась только полуразрушенная печь. Кроме того, территория Михайловского изрыта глубокими траншеями, изуродована сооруженными на большой глубине бункерами. Видно, немцы страшно боялись сокрушительного огня русской артиллерии и не жалели труда, чтобы заготовить себе безопасные убежища под землей. Напрасно боялись: на территории Михайловского, расположенного на переднем крае немецкой обороны, мы видели груды расстрелянных немецких гильз и не видели ни одной воронки от русского снаряда. Местные жители утверждают, что русская артиллерия не обстреливала Михайловское, хотя оно в значительной степени являлось ключом немецкой обороны..."

Как видим, картина впечатляет и не нуждается в комментариях.

Восстановление заповедника началось с первых дней его освобождения, поскольку он был включен в число первоочередных объектов восстановления страны. С 30 мая по 1 июня 1945 г. под председательством академика А.В. Щусева в Пушкинских Горах работала комиссия в составе крупнейших архитекторов

страны. Комиссия подробно ознакомилась с состоянием памятников заповедника, произвела зарисовки, обмеры и фотографирование их, а также составила программу и очередность работ по восстановлению. Восстановительные работы проходили под кураторством Академии Наук СССР (с 1933 по 1953 г. Пушкинский заповедник находился в ведении Академии наук).

Прежде чем начать практические восстановительные работы, необходимо было убрать следы войны: починить дороги, мосты, засыпать траншеи, очистить израненный лес и т.д.

К июню 1945 г. были сняты последние ряды колючей проволоки, которую немцы протянули вдоль реки Сороти, к апрелю 1946 г. закончено разминирование. Рабочие, служащие и научные сотрудники жили в исключительно тяжелых условиях. В архиве музея хранятся документы, красноречиво свидетельствующие об этом. Так, рабочий И.И. Чуркин просит администрацию заповедника оказать содействие в получении ботинок, ввиду полного отсутствия у него обуви. Подобных просьб в то время было предостаточно.

Научные сотрудники, которым предстояла огромная работа, не имели надлежащих помещений. "Мы работаем без музейных помещений, хранилищ, вспомогательных музейных учреждений и т.п., мы в значительной мере находимся на пепелище, в ожидании окончания реставрации музейных объектов", - сказал зам. директора заповедника А.М. Гордин в выступлении на научном совещании 23 ноября 1946 г.¹

Научная работа шла преимущественно по двум основным направлениям:

1. Научное изучение исторических материалов, необходимых для проведения практических восстановительных работ.

2. Сбор вещей и предметов пушкинской эпохи, необходимых для решения экспозиционных задач.

23 апреля 1946 г. в газете "Пушкинский колхозник" было напечатано обращение сотрудников заповедника к жителям района о сборе материалов и предметов, необходимых для воссоздания музея. "Сбору принадлежат, - читаем мы в обращении, - все картины, документы, книги, вещи, находившиеся ранее в музее в Михайловском; картины, документы, книги, вещи, не находившиеся ранее в музее в Михайловском, но связанные с историей Михайловского, Тригорского, Святогорского монастыря. Записи песен и сказок и других народных произведений, связанных с Пушкинским заповедником. Записи рассказов о разрушении пушкинских мест немецко-фашистскими захватчиками".

Сотрудники музея проводят обследование близлежащих к заповеднику населенных пунктов с целью выявления музейных ценностей, утраченных в период немецкой оккупации.

Одновременно приобретаются старинные вещи у частных коллекционеров, необходимые для воссоздания пушкинского интерьера. В архивах и библиотеках страны были просмотрены документы по истории пушкинских мест XVIII-XX вв. Ведется также научное обследование имений, расположенных вблизи заповедника и связанных с жизнью и творчеством Пушкина (Воскресенское и др.).

В это же время проходят мероприятия по оживлению культур-

ной жизни района и области. Так, 13 июля 1946 г. сотрудники музея выезжают в саперную бригаду в д.Селихново, где читают лекции о Пушкине. Присутствовало около 500 человек офицеров, бойцов и окрестного населения.

В год проводилось около 100 культурно-просветительных мероприятий - лекции, беседы, пушкинские чтения, вечера, консультации для учителей-словесников и т.д. - в школах, районном клубе, в ближних колхозах, внутри заповедника в строительной бригаде Академстройа.

В это время (в 1946 г.) проводятся и экскурсии (кроме усадьбы Михайловского, в парках Тригорского и Петровского), на городище Воронич, Савкиной Горке и на могиле Пушкина в Святогорском монастыре. Экскурсии были бесплатными, в 1946 г. их было проведено 95.

12 июня 1946 г. в заповеднике побывал заместитель директора Института литературы АН СССР Т.И. Шаргородский. "Рост благосостояния заповедника по сравнению с 1945 годом несомненен, - сказал он в своем выступлении на научном совещании. - Успешно проводятся работы по ликвидации последствий войны. Налицо достижения в области подбора кадров, в работе транспорта, общем благоустройстве. Заповедник уже становится не только хранителем пушкинских мест, но и научным учреждением - пропагандистом этих мест".²

К 1947 г. культурно-образовательная деятельность музея становится шире и приобретает новые формы. Сотрудники проводят радиоэкскурсии по пушкинским местам по Псковскому и Ленинградскому радио, читают лекции в Пушкинском обществе в Ленин-

раде. Большим событием в те годы было приобретение заповедником звуковой кинопередвижки. 4 января 1947 г. на научном совещании был поднят вопрос о необходимости проведения просветительной работы не только вне заповедника, но и среди рабочих и служащих музея. Ведь даже простые люди, работавшие здесь, должны были сознавать, где они находятся и чему служат. Из опроса, проведенного директором, выяснилось, что из 15 рабочих ни один не смог ответить на самые элементарные вопросы о Пушкине, не смог назвать ни одного произведения поэта. Свое незнание рабочие объясняли разными причинами: забывчивостью, малограмотностью, отсутствием книг и т.д. С ними были проведены разъяснительные беседы.

Вся так называемая идейно-воспитательная деятельность музея, как, впрочем, и всех других учреждений в то время, находилась под контролем партийных структур всех уровней. Работа эта должна была быть направлена на массовый охват, с едиными для всех идеологическими штампами и требованиями. "Донести Пушкина до народа" было главным указанием сверху. Прямое вмешательство государства в постановку задач пушкиноведения, начавшееся в 1930-х гг., набирало силу к 1949 г. Ведь это был очередной юбилей. К празднованию пушкинских юбилеев порой были привлечены даже целые отрасли промышленности, как это было в 1937 г. Типичная резолюция того печально знаменитого по количеству репрессий года содержала следующие слова: "Одна из дальнейших задач клубов и библиотек должна заключаться в том, чтобы не было на пред-

приятнях ни одного рабочего, служащего <...> не знакомого с творчеством Пушкина. Будем растить и множить ряды наших пушкинистов". В газетах и других изданиях то и дело появлялись отзывы рабочих и колхозников об их любви к поэту.

Сотрудникам заповедника в те годы (независимо от того, хотели они этого или нет) приходилось тратить огромные усилия, чтобы, выражаясь языком того времени, "пушкинское наследие было доведено до каждого колхозника". Одной из форм такой работы были "читки на дому у колхозников произведений Пушкина, где все непонятное должно было быть объяснено правильно, просто и доходчиво. Таким образом, люди часто узнавали о Пушкине по указке сверху, не по велению сердца и не от внутренней потребности приобщиться к поэзии. "Чем глубже внедрялась, чем ортодоксальнее проводилась эта концепция, тем более плоским и упрощенным предстал поэт, тем скучнее становилось читать о нем (да и его самого), тем больше он походил на любого другого "великого писателя" - "проводника" каких-нибудь "идей", "выразителя" каких-нибудь "тенденций".³

Упрощение Пушкина, низведение гения до уровня понимания среднего советского человека привело к снижению уровня пушкиноведческих работ. Известный пушкинист Б.В. Томашевский писал: "Не им ли мы обязаны тем, что налет догматизма явно выступал на многих научных работах послевоенных лет, и в атмосфере этого догматизма и цитатничества выращивалось поколение молодых ученых?"⁴

Помимо "пропаганды пушкинского наследия" в обязанности со-

трудников того времени вменялось чтение политических докладов и лекций на международные темы. Так, в 1947 г. было прочитано 80 лекций и докладов: на международные темы - 22, политдокладов - 9, на литературные темы - 16, о Пушкине - 33, т.е. 37% составили лекции на политические темы.

В 1949 г. в связи с многочисленными публикациями о восстановительных работах в Пушкинском заповеднике, чрезвычайно возрастает число экскурсантов и одиночных посетителей. С необычайно расширившимся объемом экскурсионной работы сотрудники сами справиться не могут. Дирекция заповедника вынуждена была обратиться за помощью в Институт русской литературы Академии наук СССР: "Ввиду резко увеличившегося количества экскурсий в Пушкинский заповедник (в июле свыше 5000 экскурсантов) и включения в работу новых экскурсионных объектов (с.Петровское, выставки в Святогорском монастыре) заповедник в настоящее время не может обойтись наличным штатом сотрудников. Настоятельно просим откомандировать в Пушкинский заповедник на 1,5 месяца (с 15 августа по 1 октября) кого-либо из сотрудников института, знакомых с заповедником и экскурсионной работой".⁵

Для усиления экскурсионной работы в заповедник были направлены трое сотрудников института, в том числе Олег Алексеевич Пини (литературовед, с 1968 по 1979 гг. ученый секретарь Всесоюзной Пушкинской комиссии).

Было бы неверным сказать, что интерес к пушкинским местам был вызван одной лишь только пропагандой. В те послевоенные годы люди ясно осознавали, что

им необходим был живой родник, где можно было питать душу, израненную войной и жизнью по указке. А пушкинские места всегда были такими - обладающими этой целительной силой.

Дирекция заповедника пыталась ввести в экскурсионный объект еще один памятник прошлого - часовню на Тимофеевой горке. В архиве заповедника хранится письмо директора заповедника с 1945 г. С.С. Гейченко от 29 мая 1948 г. к священнику церковного прихода Пушкиногорской церкви: "На территории кладбища Вашего церковного управления, на Тимофеевой горке, находится часовня - могила последней Осиповой. Дирекция Пушкинского заповедника просит Вашего распоряжения привести могилу Осиповой в порядок и восстановить внутри часовни прежнее ее убранство, т.к. к Пушкинскому юбилею 1949 года могила последней Осиповой (часовня) будет служить объектом внимания экскурсантов и туристов".⁶ Что из этого получилось, по материалам архива проследить не удалось.

Хочется остановиться еще на одной стороне деятельности сотрудников заповедника в те годы - так называемой "шефской работе".

В мае 1949 г. Отдел народного образования области обратился в заповедник с просьбой принять шефство над Велейским детским домом (в нем проживало 100 детей). Пушкинский заповедник берет шефство над этим детским домом и проводит огромную работу с детьми: организовали пушкинский кружок, подарили им библиотечку и постоянно пополняли ее, устраивали выставки, посвященные жизни и творчеству не только Пушкина, но и Лермонтова, Го-

голя, Тургенева. Оказывали и хозяйственную помощь - комнаты детского дома украсили цветами из теплицы Пушкинского заповедника, обеспечили приусадебный участок деревьями - саженцами для посадок, подвозили торф для отопления детского дома. Дети писали сотрудникам заповедника теплые, благодарственные письма, оформляли их своими рисунками (эти письма хранятся в нашем архиве). "Мы вас никогда не забудем за то, что вы нам заменили отца и мать, и за вашу ласку", - читаем в одном из них.

Для детей Велейского детского дома, для учащихся Вороничской, Зимаревской школ, для детей рабочих и служащих заповедника ежегодно в Михайловском устраивались новогодние елки. "Детей торжественно встречал Дед Мороз. Он повел их, - пишет газета, - обогреться к горящим повсюду кострам, а затем - к "Острову единения", где стояла большая, ярко иллюминированная елка. Ребята побывали в доме-музее и "домике няни" поэта. После этого началось катание детей на санях. Украшенные разноцветными лентами лошади быстро мчали ребят по берегам озера Маленец, заповедным рощам и паркам".

С 29 мая по 2 июня 1950 г. в заповедник приезжала группа научных сотрудников Литературного музея Пушкинского Дома. Целями поездки были повышение квалификации сотрудников и обмен опытом работы. "Мы изумлены и восхищены той поистине колоссальной восстановительной работой, - писали они. - Музей произвел на нас прекрасное впечатление". Под этими строками стояли подписи Ломан, Киселева; Степанова и др.

В первое послевоенное пятилетие в научном штате заповедника числилось от 5 до 8 сотрудников и чуть более десятка рабочих и служащих. Каждый научный сотрудник водил экскурсии, читал лекции, занимался научной и исследовательской работой, хорошо знал музейные коллекции. Знание жизни и произведений Пушкина было первым и строго обязательным условием для всех (к сожалению, не так, как сейчас: сотрудников много, а знатоков по пальцам можно сосчитать).

Огромен вклад Пушкинского Дома в организацию заповедника в 1945-50 гг., в проведение реставрационных и восстановительных работ, в становление заповедника как научного и культурного учреждения.

Несмотря на все трудности и сложности того времени, о которых уже говорилось, музейные работники самоотверженно восстанавливали, спасали, бережно хранили то, что составляло истинное богатство русского народа - пушкинский уголок. Основные фундаменты были заложены правильно.

Примечания

1. Архив Пушкинского заповедника, д.83. Протоколы научных совещаний 1946 г.
2. Там же.
3. Непомнящий В.С. Пророк: Художественный мир Пушкина и современность // Новый мир. 1987. №1. С.133.
4. Томашевский Б.В. Пушкин. Кн.2. М.-Л., 1961. С.474.
5. Архив Пушкинского заповедника, д.93. Культурно-просветительская работа заповедника 1946-1950 гг.
6. Там же.

Там, где не хватало исторических документов (многие архивные материалы в то время были недоступны), на помощь приходило чутье, которое исходило из знания Пушкина и любви к Пушкину, из понимания смысла доверенной им святыни. Как сказал один известный культурный деятель, "дело памятников старины может вестись очень научно, может быть переполнено специальнейшими терминами и ссылками на тысячетомную литературу, и все-таки в нем может не быть духа живого, и все-таки оно будет мертво". Живой дух им, старшим поколениям хранителей, удалось все-таки сохранить. Теперь эта задача лежит на нас. Приближается 200-летие со дня рождения Пушкина и 100-летие начала музеефикации пушкинских мест на Псковской земле. Это обязывает нас, ныне работающих в Пушкинском заповеднике, взглянуть на дела и труды наших предшественников и продолжить их миссию хранителей на новом витке по-пушкински - честно, мужественно и с уважением к минувшему.